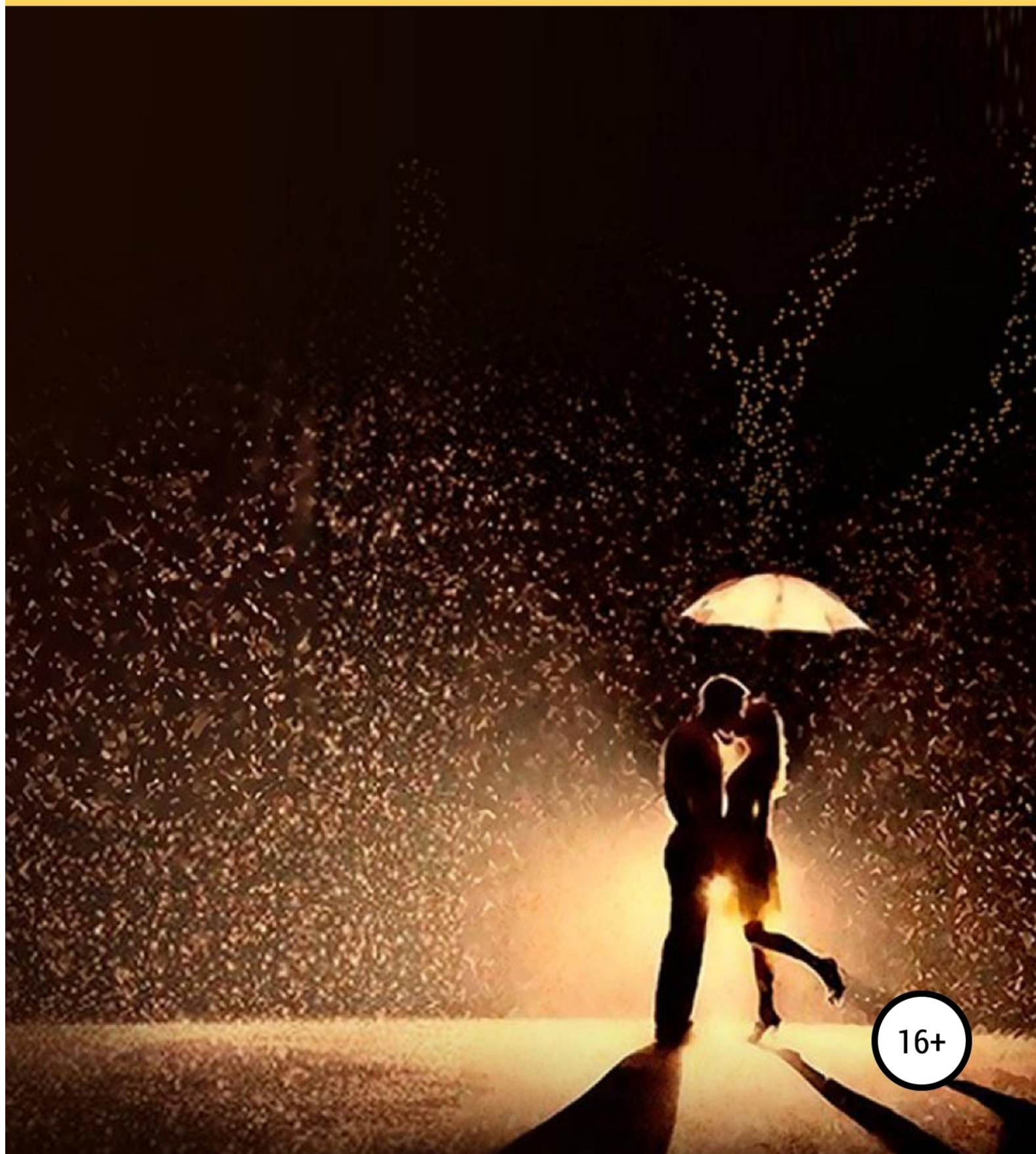

Ольга Малышкина

Замужем за Лордом

16+

Ольга Малышкина
Замужем за Лордом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мальшкина О.

Замужем за Лордом / О. Мальшкина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Продолжение романтической истории любви, начавшейся в книге "Замуж за лорда". Новые испытания и преодоления себя. Может ли прошлое помешать будущему?.. Может ли любовь быть сильнее смерти?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1

Макс, откинувшись в кресле, обнимал Лину, вдыхая аромат её густых, вкусно пахнущих волос. Она прижималась щекой к его груди, обхватив руками за талию, и спала, иногда слегка вздрагивая. Тогда он обнимал её чуть крепче и осторожно целовал в макушку. Шторку иллюминатора он закрыл, чтобы свет её не тревожил. Три дня метели, запершей их в гостинице Петропавловска, они провели практически без сна, словно навёрстывая годы друг без друга. Поэтому в машине Анатолия, отвозившего их в аэропорт, Лина почти сразу закрыла глаза и открыть их уже не смогла. И продолжила спать в самолёте, едва панорама с вулканами исчезла под облаками. На этот раз им повезло меньше – третье кресло было занято, салон вообще был заполнен до отказа, все, кто не улетел своим рейсом из-за непогоды, набились в этот, самый первый, самолёт, когда аэропорт наконец дал добро. Максиму бы тоже не мешало вздремнуть, но в голове крутился последний разговор с Анатолием, поселивший в нём тревожные мысли, которые теперь не давали сомкнуть глаза.

Состоялся он в машине, когда мужчины убедились, что Лина и правда уснула. Анатолий, поглядывая на Макса в зеркало, сначала мялся, потом, поймав ответный вопрошающий взгляд, всё-таки решился:

– По твоему совершенно ошалевшему от счастья лицу я вижу, что о соблюдении мер предосторожности ты и не вспомнил.

Увидев, что Макс собирается остановить его, покачал головой и упрямо продолжил:

– Если ещё не поздно, я бы советовал вам не торопиться заводить детей. Проверьте чувства. Не повторяй моих ошибок и ошибок многих наших коллег. Дождись хотя бы первой командировки, пусть и девочка себя проверит, в состоянии она провести в постоянном ожидании и волнении не месяц, не два, а годы семейной жизни. Если такую жизнь можно назвать семейной... Твоя Лина, конечно, очень похожа на «жену декабриста», а совсем не на мою Людмилу, и всё-таки... Справедливо ли будет запереть её в четырёх стенах с ребёнком, когда тебя подолгу не будет рядом?... Это раз.

Макс нахмурился и приподнял брови, показывая, что ему хватило первого совета. Но Анатолий собрался высказать всё, о чём, видимо, размышлял все эти три дня метели и, возможно, даже сожалел, что «потворствовал» развитию их бурного романа.

– Второе. Не менее важное. Я видел тебя в деле. Ты никогда не жалел себя, не задумываясь рисковал жизнью ради спасения других, и это правильно, ты выбрал такую работу. Но теперь в похожих ситуациях тебе придётся думать ещё и о той, кто тебя любит и ждёт. Или о тех... когда появятся дети. В общем, я сказал, а ты, брат, думай...

И вот теперь, прижимая к себе Лину и вдыхая её запах, без которого уже не мыслил себе жизни, Макс думал... О том, чтобы предохраняться, он действительно не вспомнил. Об этом всегда заботились его пассии, и он не привык отвлекаться на такие «мелочи» и переживать о «побочках» секса. С Линой же он потерял голову от страсти и даже на секунду не мог представить, чтобы хоть какая-то, пусть и весьма тонкая, преграда отделяла бы его тело от её.

Он опять прижался губами к её макушке. Да нет, не может он себя заставить беспокоиться о том, не забеременела ли его любимая. Это верх идиотизма. Он хотел бы иметь детей. И Лина, разумеется, даже не поняла бы его сомнений. Не поняла и не приняла. Тем более что она уже считает их семьёй, не задумываясь о штампе в паспорте. Впрочем, этот самый штамп он намеревался обязательно поставить. Желательно, сразу по прилёту в Москву. А то ещё, не дай бог, сорвут из отпуска. Ему же непременно нужно было увидеть, как она подписывается под брачным свидетельством. Он уже знал, как она умеет держать клятву. Тем более скреплённую чернилами. Макс улыбнулся своим мыслям. Ему захотелось, чтобы Лина проснулась и подняла на него свои сияющие глаза. В последние три дня они заменяли ему звёзды, скрытые

пургой. Глаз Лина не открыла, но прижалась к нему теснее, подсунув руки под свитер, чтобы чувствовать его кожу. Макса обдало горячей волной, и он покосился на соседа слева, полнова-того мужчину лет пятидесяти, тот похрапывал, натянув маску для сна.

По поводу всего остального, о чём предупреждал Анатолий, гадать было бесполезно. Тут только сама жизнь покажет...

Лину пришлось будить поцелуями при подлёте к Москве и открывать шторку иллюмина-тора, чтобы яркий дневной свет помог ей прийти в себя.

– Как я тебя, оказывается, утомил, – прошептал Макс, целуя её в мочку уха. – Ты проспала почти десять часов, если считать дорогу к аэропорту.

– Ничего себе, – она потёрла кулачками глаза и подставила ему губы. Он нежно их кос-нулся, всей душой желая, чтобы они скорее оказались одни, у неё в квартире. Правда, нужно ещё заехать в больницу.

В аэропорту он, в прямом смысле за руку, отвёл её к дамской комнате и поставил перед дверью.

– Тебе туда.

Лина, которая шла за ним не глядя по сторонам, а потому не ожидала очутиться именно в этом месте, стала розовой, как её свитерок. Он слегка подтолкнул её к двери, Лина медленно потянула за ручку, словно там её ждали все ужасы мира, и скрылась внутри.

Макс покачал головой. Она продолжала стесняться его во всём, что касалось естествен-ных отпращиваний организма, а потому в гостинице он под разными предложениями периодически выходил из номера, чтобы не смущать своё «чудо в перьях».

Лина вышла, потупив взгляд. Он тут же привлек её к себе, вздохнул:

– Рядом с тобой я чувствую себя совратителем малолетних.

На стоянке Макс ласково провёл по своему внедорожнику ладонью, шепнул ему: «При-вет, дружище, заждался?» Тот завёлся с пол-оборота, он любил своего хозяина.

Ленинградское шоссе двигалось страшно медленно, будний день, да опять после снего-пада...

– По пути в больницу заедем в одно место, – сказал Макс, что-то вбивая в навигатор. Телефон у него был новый (он решил не ограничиваться заменой сим-карты). Старый он без сожаления выкинул, перенесся из прошлой жизни в новую только контакты родных, друзей и коллег и разослав им эсмэсками свой номер.

– В какое? – спросила Лина, мельком взглянув на телефон в его руках и почувствовав на краткий миг острую боль в сердце от тяжёлых воспоминаний.

– В ЗАГС, мне нужно получить один важный документ. Не волнуйся, это по дороге и не займёт много времени.

– А какие документы можно получить в ЗАГСе, – удивлённо распахнула глаза Лина, – кроме свидетельства о браке или... разводе?

– Вот как раз оно-то мне и нужно, – произнёс Макс, начав отвечать ещё до того, как Лина закончила свой вопрос.

Лина растерялась.

– О разводе? – севшим от ужаса голосом прошептала она.

Макс съехал на обочину и включил аварийку.

– Лина, посмотри сюда, – он достал паспорт и открыл его на странице, где обычно ставят штамп о семейном положении, – видишь что-нибудь?

Лина отрицательно качнула головой, в её глазах по-прежнему был страх и непонимание.

– Вот и я не вижу. А хочу видеть. Хочу иметь официальное разрешение отшлёпать тебя за твои глупые мысли. – Он привлек её к себе и крепко поцеловал. Потом уже не смог остано-виться, и они долго и с упоением не отрывали губ друг от друга.

– Только я всё равно не очень поняла, – робко сказала Лина, когда он отстранился, чтобы снова завести машину. – Разве тебе могут дать свидетельство, если мы не женаты?

– Не могут, поэтому мне нужна ты, чтобы подтвердить, – пряча улыбку, ответил Макс.

– Что подтвердить?

– Что согласна стать моей женой.

Лину всё ещё не отпускали сомнения.

– Но ведь, кажется, это делается как-то по-другому. Сначала можно только подать заявление.

– У меня есть корочка, которая позволит сократить процедуру.

– Какая корочка?

– Хлебная. Я всегда ношу её с собой, среди документов, чтобы никто её не обнаружил и не съел, – серьёзным тоном ответил Макс.

Лина наконец догадалась, её лицо посветлело. Макс исподтишка бросил на неё нежный взгляд.

– Ты только не волнуйся. Если тебе хочется платье, и церемонию, и подружек невесты – всё это тоже будет. Ты сможешь не спеша подготовиться, зато я уже буду спокоен, что ты никуда не денешься, если вдруг меня срочно вызовут.

– Мне, кроме тебя, никто не нужен. Разве что колечко, – она вытянула правую руку и, прищурившись, посмотрела на безымянный палец.

– Это не проблема, там рядом есть ювелирный.

Выбор кольца и формальности в ЗАГСе заняли в общей сложности полтора часа. Сидя снова в машине, любуясь кольцами, записями в паспортах и вся светясь от счастья, Лина лукаво посмотрела на Макса:

– Хорошо, что я выпалась, а вот тебе сегодня придётся туго. Отсутствие церемонии ты должен будешь компенсировать мне в двойном размере.

Её слова отозвались в теле Макса жаркой истомой.

– Ох, не дразните меня, девушка, а то мы никуда не доедем.

В палату к сестре Лина зашла одна, взяв с собой только купленный Максом для Ланы букет цветов и пакет с фруктами и соками.

– Сестрёнка, иди скорее сюда! Хвастайся! – позвала Лана сразу, как только открылась дверь.

Лина подбежала, долго целовала лицо сестры, снова заливая его слезами.

– Ты что, не получила моё сообщение? У меня всё хорошо, не реви. Лучше расскажи, как тебе в роли женщины?

– Ах, так ты это имела в виду под «хвастайся»? – вспыхнула Лина, шмыгая носом.

– Только не смей мне ответить, что ты вернулась из такой романтической поездки в прежнем статусе непорочной девы!

Лина молча вытянула руку и показала тонкое золотое колечко (ей захотелось классическую форму).

Лана несколько секунд смотрела на кольцо. Теперь уже на её глазах заблестели слёзы.

– Ну молодец мужик, – наконец выговорила она. – Кстати, ты знаешь, что, сама того не желая, ты вышла замуж за лорда? А значит, мне даже необязательно было вычёркивать десятый пункт.

– Ты не представляешь, какое это было счастье, когда Ксюня передала мне твоё решение, – горячо воскликнула Лина и зарделась, вспомнив, при каких обстоятельствах это произошло. – А откуда ты знаешь про Лорда? От Виктора?

– От кого же ещё. Я теперь знаю твоего Макса и его друзей лучше, чем они сами себя знают. Например, они были влюблены в...

– Аню из 8 «Б», – улыбнулась Лина.

– Ого! Он рассказал тебе о своих бывших пассиях?! – с шутливым изумлением спросила сестра.

Лиана опять почувствовала укол в сердце.

– Можно я вас познакомлю? Он ждёт за дверью, – перевела она разговор.

– А как я выгляжу? Впрочем, неважно. В день свадьбы никто не имеет права выглядеть лучше новобрачной. Жалко, что мне нельзя выпить за вас шампанского.

Лиана выглянула в коридор. Макс стоял возле окна с задумчивым видом. Увидев её, быстро подошёл, спросил шёпотом:

– Ну что?

– Заходите, подследственный. Вас будут допрашивать, – сказала она строгим голосом.

Макс изобразил раскаяние, подыгрывая Лине и благодарный ей за предложенный шутливый тон. Внутреннее напряжение немного отпустило.

– Ну здравствуй, зятёк, – понимая, как непросто общаться с ней здоровым людям, постаралась изобразить весёлость Лана.

У Макса сжалось сердце от сострадания и восхищения её мужеством, как и мужеством её сестры, его жены... Пройди он тогда мимо, Лиана ведь всё равно взялась бы выполнять эти дурацкие пункты. В одиночку. Пересиливая свой страх... У него опять заболело сердце, когда он представил себе это. Чёрт, так и медкомиссию можно не пройти, отдохнул, называется...

Он улыбнулся.

– Лана, я рад познакомиться. И очень тебе благодарен. Если бы не твой список желаний, не сбылось бы и моё главное желание.

Лиана изучающе смотрела на его лицо. «Хороший мужик, – с удовлетворением подумала она, – теперь я могу быть спокойна за сестрёнку».

Она улыбнулась ему в ответ.

– Поздравляю вас, молодожёны. И отпускаю домой, нечего вам сегодня тут около меня делать. К тому же я жду Виктора.

Тот словно подслушивал за дверью, потому что появился сразу, как только в воздухе растворился последний звук «а».

– Нет, ну ты подумай! – воскликнул он, сразу заметив на руке Макса обручальное кольцо. – Всё-таки воспользовался нашей беспомощностью и сэкономил на свадьбе!

Все рассмеялись.

– Я не мог рисковать. Лиана слишком привлекательная девушка, а вас, экстремалов, пока дождёшься, когда вы соизволите быть не в гипсе, так можно всё упустить в этой жизни. Но праздничные гуляния вас не минуют, не переживайте.

Оказавшись в машине, Лиана опять занялась разглядыванием своих новых регалий, время от времени бросая взгляд на Макса, который, оставшись снаружи, разговаривал с кем-то по телефону. Что бы там ни говорили, а звание официальной жены необыкновенно грело сердце и служило словно бы ещё одним доказательством его любви. Ведь семья для мужчины – это, прежде всего, большая ответственность. Как бы ей сделать так, чтобы он ни на секунду не усомнился в правильности своего выбора? Как ей подготовиться к его отъездам, возможно, частым? Как научиться ждать и не умирать от переживаний?

Он сел на своё водительское место. Посмотрел на серьёзное лицо Лины. Подумал, вдруг она жалеет, что самое главное событие в жизни прошло так спонтанно? Но в глубине души радовался как мальчишка, что может называть её женой. Какое удивительно приятное слово... Такое тёплое и уютное...

Ладно, дома её ждёт сюрприз, это хоть немного должно компенсировать ей отсутствие торжества.

Глава 2

Он припарковал машину далеко от подъезда.

– Подождёшь? Я проверю, есть ли место поближе.

Лина кивнула, внутри у неё начиналось томление в предвкушении того, что скоро последует. Макс вернулся минут через десять.

– Нашёл, – сказал он, улыбнувшись её загадочному взгляду.

Обстоятельства благоволили, припарковаться удалось напротив подъезда. Он предусмотрительно заблокировал Линину дверь, чтобы она не выскочила опять сама, не дождавшись помощи с его стороны. Она действительно дёрнула ручку и удивлённо обернулась на него.

– Разблокирую, если ты пообещаешь дождаться, пока я сам тебе открою, – разыгрывая строгость, сказал он.

– Клянусь, – она прижала правую руку к сердцу.

Макс обошёл машину, открыл дверцу и протянул руки.

– Иди ко мне, жена.

Лина подалась вперёд, он подхватил её, локтем захлопнул дверцу, донёс Лину до входной двери, собрался прислонить магнитный ключ к домофону, заранее его приготовив, но и тут повезло – из подъезда вышла женщина, она придержала дверь, с любопытством их оглядела. Потом он нёс Лину на шестой этаж, они беспрестанно целовались, опустил её на пол только у входа в квартиру. Открыл и распахнул дверь. Лина ахнула. Вся прихожая была заставлена цветами, их аромат тут же распространился на всю лестничную клетку.

Он снова взял её на руки и перенёс через порог. Закрыв дверь плечом и лишь потом поставил Лину на пол.

– Ну вот, теперь можно начинать праздновать.

И, вспомнив сказанное ею однажды, добавил шёпотом, с улыбкой склоняясь над её лицом:

– Сначала быстро, а потом не спеша.

– Я согласна, – ответила она тоже шёпотом, не отрываясь от его глаз. Почувствовала, что сейчас заплачет от счастья. – Ты даже не можешь себе представить, как я люблю тебя...

После нескольких восхитительных часов страсти и нежности Лина жалобно призналась:

– Макс, я есть хочу. И готова съесть даже твою корочку.

– Ни в коем случае. Это НЗ на случай тотального голода. Пойдём поищем чего-нибудь на кухне.

Они закутались в простыни, как древние римляне в тоги. На кухне Лину ждал ещё один сюрприз – стол ломился от ресторанных блюд.

– Всё, я отсюда никуда не уйду, – хлопнула она в ладоши. Макс обожал эту её наивно-трогательную детскую привычку.

Он с оценивающим видом посмотрел на пол.

– Можем разместиться тут, я принесу одеяла.

– Неси, – согласилась она.

Они устроились на полу, обложив себя подносами с едой, чтобы, когда потребуется, легко отставлять их в сторону.

Макс вынул из холодильника игристый напиток и разлил по бокалам.

– А почему на бутылке нарисована Дюймовочка? – бесхитростно спросила Лина.

– Потому что это детское шампанское. Алкоголь вреден для подрастающего организма.

– А у кого из нас организм ещё не достиг своих размеров?

– Ну... мы же с тобой не предпринимали никаких мер... – Макс пристально смотрел ей в глаза, чтобы уловить самую первую реакцию, – вдруг в тебе уже есть подрастающий организм...

Лина секунду подумала, потом её глаза наполнились невыразимым счастьем. Макс мысленно выдохнул, впрочем, он не сомневался в своём любимом библиотекаре из детского отдела. Главное, чтобы она теперь не расстроилась, если вдруг их несколько дней практически непрерывной любви (называть то, что происходило между ними, сексом, у него даже мысленно не поворачивался язык) не будут иметь последствий.

Они чокнулись бокалами, Макс сделал глоток и сморщился. Лина, ещё не успевшая пригубить напиток, испуганно воскликнула:

– Что, так невкусно?

– Горчит сильно. Очень-очень горько.

Он посмотрел на её искренне-потрясённое лицо и рассмеялся.

– Пей давай скорее, чудо в перьях, и будем целоваться!

Уже совсем ночью он проснулся оттого, что не чувствует её рядом, не слышит дыхания. В комнате (а они превратили в брачное ложе Линину тахту) было темно, дверь закрыта, из-под неё пробивалась тусклая полоска света. «Неужели так хорошо в самолёте выспалась? – удивился Макс. – Или снова проголодалась?» Он полежал немного с закрытыми глазами, но сон уже исчез. Без Лины в постели было неудобно. Вообще непонятно, как он раньше спокойно мог спать один. Его сумка с вещами осталась в машине, а потому он оделся в джинсы и футболку, в которых прилетел и в которых проходил весь день. Почему-то не закутался опять в простынь, словно предчувствовал её неуместность.

Свет шёл из гостиной через стеклянные створки. Макс на всякий случай постучал. В ответ услышал тоненький всхлип. Сразу распахнул дверь. Лина сидела на диване со своим ноутбуком, её лицо было залито слезами. Вероятно, она изо всех сил сдерживала рыдания, чтобы не разбудить его.

– Что случилось? – он в один миг оказался рядом с ней, обнял, прижал её лицо к груди, его взгляд упал на экран – архивный видеорепортаж с одной из спасательных операций МЧС, разбор завалов в жилом квартале после землетрясения. «Вот чёрт», – выругался он мысленно. Впрочем, она всё равно рано или поздно это бы увидела. В конце концов, смотрит же она новости, а там такое сплошь и рядом.

– Я так тебя люблю и так тобой горжусь, – говорила она сквозь рыдания, – ты не бойся, я не буду ставить тебе никаких условий. Я буду просто изо всех сил гордиться, любить тебя и ждать... Сколько у тебя осталось отпуска? – она постаралась взять себя в руки, даже отстранилась от него, чтобы смотреть в глаза.

– Ещё три недели, – сам удивился Макс. Наверное, их роман можно считать скоропалительным, хотя кажется, что столько событий невозможно было уместить в десять дней.

– И как мы его проведём?

– Завтра, если ты не против, я бы познакомил тебя со своими родными, и я очень надеюсь, что они станут и вашей с Ланой семьёй. – Он поцеловал её солёные от слёз щёки и глаза. – А потом... Ты не поделишься со мной своим секретом? Мне бы хотелось увидеть твой список желаний. Возможно, нам удастся начать его выполнять?

– Давай опять начнём с последнего пункта? С большой любви...

– Давай...

Он поднял её на руки и отнёс на постель...

Перед тем как уснуть, она нашла его правую руку и отстучала своим колечком по его кольцу: «Спокойной ночи, мой любимый». Он отстучал ей ответ: «Спокойной ночи, моё чудо». И мысленно обратился к планете и миру, чтобы они хотя бы несколько дней прожили без чрезвычайных происшествий. Ни Макс, ни Лина, конечно же, не смотрели новости в свой самый счастливый день. Они только утром узнали, что накануне в столице Ливана произошёл мощный взрыв, превративший в руины половину густонаселённого города. МЧС России готовил к отправке в страну гуманитарную помощь, мобильный госпиталь и специалистов Центроспаса.

Макса отозвали из отпуска: он считался несемейным, бездетным и всегда готовым к работе, а потому находился в верхней части «списка».

Глава 3

Лина ходила по заставленной цветами квартире, заглядывая в каждую комнату, словно не могла поверить, что осталась одна. На кухне – следы их свадебного пиршества, постель ещё хранила тепло их тел, на диване в гостиной он обнимал её, вытирая ей слёзы, в прихожую он внёс её на руках... Она посмотрела на свою правую руку, потрогала колечко. Как хорошо, что они успели пожениться... Колечко, запись в паспорте и свидетельство о браке были сейчас словно якоря, удерживающие её на этом свете, потому что душа рвалась из тела, чтобы полететь туда, где был её любимый...

Она вернулась в спальню. На тумбочке лежал листок с длинным списком телефонных номеров, оставленных ей Максом: его родители, бабушки-дедушки, друзья, начальство... Лина легла на тахту, прижалась носом к подушке, на которой он спал; закрыв глаза, пыталась представить, что он рядом.

Зазвонил телефон. От волнения Лина не сразу смогла провести пальцем по экрану в нужную сторону. Наконец услышала его голос.

– Солнышко моё, любимое, ненаглядное... Моё чудо... – говорил Макс, и было слышно, что душа его точно так же рвётся к ней. – Я позвонил родителям, так что они в курсе, что у них появилась невестка, и сами тебя сегодня найдут. И пока ты будешь ходить по гостям и знакомиться с новой роднёй и моими друзьями, которые тебе тоже не дадут покоя, ты почти не заметишь, как пролетит время. Ты даже не представляешь, какое поразительное у меня сейчас чувство, меня впервые ждёт любимая...

Лина улыбалась сквозь слёзы, молчала, наслаждаясь звуками его голоса. Макс знал, что она вряд ли сможет произнести хоть что-нибудь, представлял, как она прижимает к уху телефон...

– Всё, родная, я обязательно позвоню, как появится возможность.

Он отключился, она так ничего не успела ему сказать. Лина растерянно посмотрела на тёмный экран... Словно от её взгляда, телефон снова заиграл мелодию нового вызова, а монитор засветился.

– Здравствуй, Лина. Это мама Максима...

– Здравствуйте, – прошептала Лина. Боже, она даже не знает, как зовут свекровь! Лина потянулась к оставленному Максом списку, с облегчением повторила громче: – Здравствуйте, Любовь Сергеевна.

– Деточка, я в курсе, что днём ты у сестры, но потом мы ждём тебя к себе. Папа заберёт тебя от больницы в пять часов. Удобно?

– Удобно, – Лина почувствовала, как из её глаз снова полились слёзы от этого уютно-домашнего «папа»... Её сразу и безоговорочно взяли в семью...

Не успела она перевести дыхание, как телефон снова зазвонил.

– Добрый день, Лина. Это Софья Андреевна, бабушка Максима...

В течение часа ей позвонили все люди из списка, кроме Виктора, которого она должна была увидеть в больнице. Даже с работы Макса. Приятный мужской голос извинился, что ей испортили свадьбу.

Лина, не привыкшая к такой волне внимания, была одновременно и тронута, и растеряна, а под конец её уже душил смех. Макс явно перестарался, поставив из-за неё на уши всех своих родных и знакомых. Как вчера перестарался с количеством букетов. В квартире стоял настолько густой цветочный аромат, что пришлось открыть окна во всех комнатах, чтобы иметь возможность дышать. И если в горячих объятиях Макса она не мёрзла, то теперь нужно было натянуть на себя не только тёплую фланелевую пижаму, но и длинную шерстяную кофту.

Впрочем, своей цели он достиг: Лина больше не чувствовала себя одинокой.

В палату она вошла по привычке без стука и поняла, что от привычки пора отказываться: Виктор отпрянул от Ланы. Они явно целовались. Лина вспыхнула, но не столько от смущения, сколько от счастья за сестру.

– Привет, новобрачная! – излишне громко воскликнула Лана. – Я не ждала тебя сегодня. Во всяком случае, не так рано.

Время приближалось к обеду, обычно же Лина приезжала к 10 утра, чтобы успеть поговорить с врачом во время утреннего обхода.

– Если Макс направился ко мне в палату, то меня там нет, – Виктор быстро поборол неловкость и опять стал весёлым балагуром.

Лана уже почувствовала, что у сестры что-то случилось. Неужели они с Максом поспорились в первое утро после брачной ночи?!

– Макса отозвали из отпуска, – объяснила Лина.

– Это хорошо, – нашёлся неунывающий Виктор, – это чтобы ты сразу ощутила себя не абы кем, а женой профессионального спасателя!

– А в остальном, прекрасная маркиза? – вглядываясь в глаза сестры, спросила Лана словами из песенки.

– Всё хорошо, всё хорошо, – в тон ей ответила Лина и улыбнулась. – Сегодня еду знакомиться с его родителями.

– Обалдеть, – прошептала Лана, представив, как неуютно будет сестре без Макса среди чужих пока людей. – Ты давай держись! И среди свекровей встречаются приятные исключения. К тому же ты – ангел во плоти, она не могла бы пожелать сыну лучшей доли.

– Можно я побуду с вами до пяти вечера? Они за мной заедут в больницу, – спросила Лина, с нежной улыбкой глядя на сестру и Виктора, который сидел в своём кресле рядом с её кроватью. Оба выглядели необычайно трогательно в своих белоснежных гипсовых одеяниях.

– Ура, девчонки! Я наконец-то смогу рассказать вам весь свой запас анекдотов, а то это опасно, когда внутри что-то копится, не находя выхода, – он покосился на Лану.

Лина, ещё несколько дней назад не уловившая бы подтекста, теперь, будучи «опытной» женщиной, порозовела, поняв скрытый смысл фразы. Сестра же просто глядела на Виктора с любовью.

Ровно в пять она вышла из больничной проходной. И сразу увидела отца Макса. Он был такой же высокий, атлетически сложенный и сероглазый, только в тёмных густых волосах было много седины. Его взгляд остановился на Лине. Она подошла.

– Здравствуйте, Андрей Леонидович.

Он расцвёл в улыбке. Вероятно, как минимум внешность девушки, выбранной сыном, ему пришлась по душе.

– Здравствуй, Линочка. Вот ведь в каких обстоятельствах приходится знакомиться! Но у Макса вечно всё на бегу. Ничего нельзя толком спланировать. Ты отважная девушка, раз решилась выйти за него замуж, хотя мы с мамой очень этому рады. Уже заждались внуков, – он говорил, ведя её за руку к машине, усаживая, захлопывая дверцу и трогаясь с места.

Упоминание о внуках неприятно кольнуло Лину, словно кто-то вторгся в их личное с Максом пространство. Она даже не ожидала, что с такой ревностью отнесётся к «посягательству» на их пока ещё такой хрупкий, только-только формирующийся собственный мир.

Любовь Сергеевна оказалась яркой женщиной, рыжеволосой, с чувственными чертами лица, хотя и располневшей с возрастом фигурой. Однако, глядя на неё, совсем нетрудно было представить, что когда-то отец Макса потерял голову и женился на третий день знакомства. Такой красавице опасно было оставлять время на раздумья. Впрочем, они были и до сих пор оставались очень привлекательной парой.

Они изо всех сил старались быть радушными, обхаживали гостью, не задавали бестактных вопросов, где и при каких обстоятельствах она познакомилась с их сыном, почему так

скоропалительно вышла за него замуж, не спрашивали о её семье. Чувствовалось, что Макс дал им чёткие инструкции, которые они боялись нарушить, чтобы не вызвать его гнев или обиду. Но Лине всё равно никак не удавалось расслабиться, даже появление младшей сестры Макса, шестнадцатилетней Вики, весёлой и немножко взбалмошной, не сделало её поведение более раскованным. По взглядам, которыми обменивались новые родственники, она понимала, что понравилась им, но продолжала ощущать себя товаром на прилавке, и ей хотелось скорее оказаться дома.

Прощаясь, Любовь Сергеевна вдруг театральным жестом хлопнула себя по лбу:

– Ах, чуть не забыла! Деточка, у Макса в квартире осталась монстера, я подарила ему, чтобы хоть как-то украсить его холостяцкое жилище. И он наверняка забыл её полить перед отъездом. Ты не могла бы поухаживать за ней, пока его нет? Вот ключи.

Любовь Сергеевна назвала адрес. Никакого злого умысла в её просьбе не было, она просто искренне хотела выполнить поручение сына – не дать грустить Лине, занять её, по возможности, какими-нибудь приятными хлопотами. Что может быть приятнее поехать в квартиру любимого и полить оставшийся без присмотра цветок?

– Ты ведь сможешь сделать это завтра?

– Конечно, – ответила Лина, не задумываясь о том, что им самим, с учётом наличия машины, или его сестре было бы гораздо проще это сделать. Наоборот, она благодарностью приняла ключи, восприняв это как знак полного доверия.

Андрей Леонидович отвёз её домой. В квартире она наконец-то выдохнула, утомлённо опустившись на стул за кухонным столом. В последние две недели, с момента несчастья с сестрой, фильм её жизни стал крутиться как-то слишком быстро, Лина не успевала вглядываться в кадры.

Она пересмотрела все новостные каналы по телевизору, словно рассчитывала, что увидит Макса, но показывали только сам момент устрашающего взрыва и общую панораму разрушений. Единственное, что поняла, что он не позвонит. Вряд ли у него в ближайшее время появится такая возможность. Завтра... Завтра она поедет в его квартиру, перетрогает все его вещи, подышит ими, возможно, ей удастся почувствовать его близость, ведь вещи хранят воспоминания о хозяине...

Глава 4

Из больницы Лина уехала пораньше. Сестра была влюблена, пожалуй, впервые в жизни. Лина не могла нарадоваться на её вновь улыбающееся лицо и горящие задором глаза. Как велика сила любви... Теперь уже никто не сомневался, что она встанет на ноги. Пусть для этого потребуются ещё месяцы, главное – надежда была не на пустом месте, а подкреплялась снимками рентгена и КТ. Виктор проводил в её палате всё своё время. Лина даже задумывалась, о чём они могут говорить целыми днями, казалось бы, уже все истории из жизни должны быть пересказаны... Но не спрашивала сестру, хотя та, на её месте, обязательно постаралась бы выудить все подробности. Только тихо и счастливо улыбалась, глядя на Лану.

Дом, в котором была квартира Макса, был гораздо более новый, чем тот, в котором она жила почти всю свою жизнь, и не панельный, а кирпичный, башня в 16 этажей. Она запрокинула голову, отсчитывая 12, чтобы увидеть его окна. Но до конца уверенности, что увидела именно их, не было. Немного смущаясь, открыла магнитным ключом дверь подъезда. Чувствовала себя неловко, словно прокрадывалась на чужую территорию. В каком-то смысле так и было. Чтобы подбодрить себя, в лифте крутила вокруг пальца обручальное колечко, напоминала себе, что она его жена, а значит, наверное, имеет право заглянуть в его дом, тем более выполняя поручение его мамы.

Дверь была новой, видно, что после недавнего ремонта, как, скорее всего, и вся квартира, приобретённая как «вторичка». На просторной лестничной клетке у окна, почти загоразживая его, стояла огромная монстера. Лина несколько мгновений смотрела на неё, потом её губы тронула улыбка. Наверняка это именно та, которую её отправили поливать, «выселенная» Максом из квартиры, что было логично – его образ никак не вязался с наличием под одной с ним крышей мощного и ядовитого растения. Лина подошла к горшку, убедилась, что соседи не оставляют монстеру без внимания, снова вернулась к двери, вставила ключ в замок, повернула и вошла с непонятным до конца ощущением внутри себя.

Она провела рукой по стене прихожей, нашла выключатель, зажгла свет. Квартира была однокомнатная. Действительно холостяцкая. Всё строго, без декоративных излишеств. На кухне взгляд Лины упал на пепельницу на столе, полную окурков от каких-то странных, длинных сигарет, испачканных с одного края чем-то красным. Наверное, осталось от кого-то из гостей, Макс не курил. Во всяком случае за 10 дней их знакомства она ни разу этого не видела (Лина опять удивлённо покачала головой, произнеся мысленно эту цифру, не верилось, что они уже не просто знакомы, но даже женаты). Заглянула в комнату – ничего необычного: разложенный кожаный диван, небрежно заправленный впопыхах, пара кресел, книжный шкаф из тёмного дерева, наполненный явно читаемыми книгами, в глаза бросились четыре тома Шекспира, она с любовью провела по корешкам рукой, открыла шкаф-купе, вдохнула запах его вещей. Заглянула в ванную комнату. И почувствовала, как уходит из-под ног пол. Здесь явно хозяйничала кто-то из его подружек. «Бывших», – заставила себя добавить Лина, чтобы не потерять сознание прямо сейчас. Повсюду были расставлены флаконы с женской косметикой, баночки с кремами, лежала упаковка прокладок и... яркие фантики презервативов, но особенно ранил вид двух зубных щёток в стаканчике... Словно у него всё-таки была семья... Молча закрыла дверь, стараясь даже краешком глаза не зацепиться за стекло душевой кабины, вернулась в прихожую. Её всю трясло. Увидела большой пластиковый пакет, который не заметила сразу, когда входила, потому что он был задвинут в угол. Возможно, его было бы достаточно, чтобы сразу развернуться и уйти. В пакете лежало женское нижнее бельё, побросанное кое-как, в большой спешке.

Умом Лина понимала, что всё это имело отношение к его прошлой жизни, к выброшенному им телефону с обнажённой красоткой на заставке одного из контактов, который тогда

чуть не погубил их жизнь (Лина даже не знала, что на самом деле этих обнажённых и полуобнажённых красоток было в телефоне не меньше десятка, ей хватило и того единственного звонка, на который экран телефона выдал ей ту картинку...). Умом она понимала. Но настрадавшееся сердце, сначала из-за смерти бабушек, дедушек и родителей, потом ужасного несчастья с сестрой, потом из-за любви, с которой она думала, что придётся расстаться, а теперь из-за этого грязноватого следа вдруг вспомнило, что оно живое и ранимое, стало болеть так сильно, как никогда не болело раньше, останавливалось и всё с большим трудом запускалось. В одну из таких остановок Лина потеряла сознание, падая, ударилась о край стилизованной под ретро чугунной тумбочки у входной двери, на которую положила ключи, когда несколько минут назад заходила в квартиру...

– Мама, откуда вообще у тебя были ключи от моей квартиры?! – орал в телефон Макс.

– Я сделала дубликат, чтобы поливать монстеру, когда тебя не бывает, – растерянно оправдывалась Любовь Сергеевна. – Я не понимаю, что случилось, почему ты так кричишь?..

Макс ответил, взяв себя в руки:

– Прости, это только моя вина...

Сначала, когда Лина не ответила ни на первый его звонок, ни на второй, ни на третий, он пытался придумать невинное объяснение типа – где-нибудь забыла телефон, не зарядила его вовремя, в конце концов – моется в ванной и не слышит его из-за шума воды. Но безмерная тяжесть на сердце говорила, что всё это не про неё. Она бы не выпустила телефон из рук, каждую минуту ожидая его звонка. Он дозвонился Виктору, тот сказал, что Лина была у них в больнице и, кажется, поехала поливать какую-то монстеру. Вот тогда он позвонил матери... Потом Сергею, попросил бросить все дела и мчаться туда, ломать дверь, если потребуется. Он не мог бы объяснить, откуда у него уверенность, что Лина не вернулась к себе домой и просто не хочет с ним разговаривать. Наверное, потому что тяжесть на сердце была уж слишком невыносимой...

Сергей жил в десяти минутах быстрой езды на машине. Повезло, что был вечер, люди как раз возвращались с работы и в подъезд он попал без труда, а вот вскрыть замок в новой двери квартиры Макса оказалось куда сложнее. Странно, что соседи не вызвали полицию, пока он орудовал ломом, отгибая стальную панель.

Лина лежала на полу, из-под головы медленно сочилась кровь, уже образовав лужицу. И сначала Сергей подумал, что девушка мертва. Нащупав слабый пульс, вызвал скорую и сел на пол, прислонясь к стене, хмуро глядя на абсолютно белое, безжизненное лицо Лины. Эту тумбочку подарил Макс он, на новоселье. Один его приятель занимался чугунным литьём.

Телефон настойчиво затрезвонил (Сергей не любил мелодии на звонках, установил себе обычный, как на старых добрых классических аппаратах).

– Да, Макс, она здесь, я вызвал скорую, – сразу произнёс он самое важное. Потом уже добавил: – Это из-за моей дурацкой тумбочки, она ударилась об неё при падении. Пульс есть. Звони через час, что-нибудь прояснится.

– Это не из-за тумбочки, это из-за меня, – прошептал Макс, когда из телефона уже неслись гудки. Зачем им эти испытания? Для чего? Какая злосчастная цепочка случайностей привела её в квартиру, которую он даже не планировал ей показывать, твёрдо вознамерившись продать? Поэтому и не закончил в последний раз начатое дело, когда стал собирать Милины вещи... Нужно было потратить ещё четверть часа и отнести всё на помойку... Но он так торопился скорее уйти оттуда, скорее увидеть Лину...

Их подразделению находиться здесь ещё пару недель... А потом он напишет рапорт об увольнении. Никого и ничего дороже Лины в его жизни нет.

С трудом выдержал час, гипнотизируя циферблат. Снова вызвал Сергея.

... В ожидании скорой Сергей прошёлся по квартире, взглядом семейного человека ухватил и пакет с женским бельём, и окурки от дамских сигарет в пепельнице, и то, что стояло и лежало на виду в ванной комнате. Обычный антураж холостяцкой квартиры...

– Монстера, твою мать... – выругался он, изо всех сил сочувствуя Макс и Лине. Представил, что стало бы с его женой, если бы ей довелось увидеть такое и это имело бы отношение к нему... Наверное, был бы уже вдовцом или как минимум – разведённым...

Вслед за врачами в квартире появился участковый. Ещё бы: дверь взломана, на полу девушка с разбитой головой... Тут же и ломик... Строчи протоколы не хочу... От немедленного ареста спасло то, что установленное время, когда жертва получила травму, никак не совпадало со временем, когда соседи через глазок видели, как Сергей ломает дверь в квартиру... Лину погрузили на носилки и унесли, в сознание она не приходила. Сергею назвали лишь номер больницы, куда её повезут. Ему же предстояло объясняться с участковым, молодым парнем. В конце его обстоятельного повествования тот повторил уже сказанное Сергеем, лишь поменяв слова местами:

– Монстера, мать твою.

И даже оба вышли на лестничную клетку, чтобы с ненавистью посмотреть на растение.

– Слушай, а ты не мог бы наклеить на дверь ваши полицейские ленточки, мол, опечатано? А то я не знаю, как теперь быть, замок-то я сломал, а мне в больницу нужно...

Парень пошёл навстречу. Сергей подписал протокол и умчался.

– Рассечение головы в затылочной области глубокое, но не смертельное; сотрясение мозга – плохо, но тоже поправимо. А вот сердечко у неё изношенное, даже странно с учётом юного возраста и отсутствия врождённых патологий. Я думаю, именно сбой в его работе и послужили причиной обморока, – добросовестно изложил врач. – Пока не подлечите сердечко, о детях лучше и не думайте. Вы ведь муж? – запоздало поинтересовался он.

– Его друг, – отрицательно качнул головой Сергей.

– А муж где?

– В командировке.

– Хорошо бы ему поскорее вернуться, сердца девушек – материя очень тонкая, – закончил врач разговор в неожиданно романтическом ключе...

Макс работал как одержимый, не слушая коллег, которые пытались на него воздействовать. Словно хотел заранее отдать как можно больше из своего долга спасателя. Лине наговаривал по Ватсапу длинные письма, полные нежности и любви, надеясь, что когда-нибудь она их выслушает. Родителям сообщил, в какой она больнице, чтобы навещали её и заботились. Попросил устроить Лину в отдельную палату с «личным» туалетом. Любовь Сергеевна так и не поняла, в чём её вина. Но в разговоре с сыном больше к этому вопросу не возвращалась, поручив мужу съездить на квартиру и починить замок. На месте Андрей Леонидович быстро обо всём догадался, и несчастное растение в третий раз удостоилось нелестных слов, супруге он не сказал, что её монстера украшает не квартиру сына, а лестничную клетку.

Глава 5

Лана узнала о несчастье с сестрой первая, хотя и не смогла объяснить Виктору, каким образом это происходит. Просто сначала резко заболело сердце, а потом голова, очень ломило затылок. И когда Виктор хотел позвать врача, грустно покачала головой, уколы и таблетки тут не помогут. Предчувствия, конечно, подтвердились. И теперь нужно было где-то черпать внутренние силы, чтобы делиться ими с Линой. Она вспоминала самые весёлые моменты жизни, когда-то их семья была большой и счастливой... Мысленно разговаривала с ней, раскрывая свои детские шалости над бесхитростной и доверчивой сестрёнкой. «Помнишь, как ты поймала большого жука-рогача и устроила ему уютный домик в спичечном коробке? Соорудила постельку из кусочка ткани, поставила на подоконник, чтобы он мог ночью смотреть на звёзды. Пока ты спала, я выпустила его на улицу, а тебе сказала, что он сам превратился в звезду и улетел на небо. И ты целый месяц искала его там, и просто глазами, и в папин бинокль, а в детском саду всех уверяла, что на небе есть звезда по имени Жук-Рогач... А помнишь, как ты мечтала сделать собственный кукольный театр? И я тебе сказала, что мама не рассердится, если ты вырежешь для своего театра картинки из книжек домашней библиотеки, потому что театр гораздо важнее. И ты целый день их вырезала и наклеивала на картонки, а вечером показала родителям спектакль. А когда они спросили, откуда такие красивые фигурки, ты показала целую стопку испорченных книжек. Но меня не выдала. Просто с глубокомысленным видом повторила, что театр важнее... А помнишь, как мы подбирали котят и щенков и ходили по дворам пристраивать их в добрые руки, потому что у мамы была аллергия и нам нельзя было оставить их у себя?.. А помнишь, как папа научил нас азбуке Морзе и мы перестукивались ночи напролёт по стойкам нашей двухъярусной кровати? А когда соседи стучали нам по батареям, мы в ответ стучали им азбукой... А помнишь, как мы отдыхали на море и тебя утасило волной? Ты не умела плавать и чуть не утонула. Вокруг было полно людей, но ты никого не позвала на помощь, выбралась сама, и потом тебя долго рвало солёной водой...»

Лина мужественно выдерживала визиты новых родственников, чувствуя себя виноватой, что доставила столько хлопот. Стеснялась того, что они узнали от врача о её больном сердце и рекомендациях не заводить детей, пока она его не вылечит. Они ведь ждали внуков... Переживала за Макса, за то, что, вместо того чтобы поддерживать его, заставила так о ней волноваться, боялась смотреть в зеркало: чтобы обработать и зашить рассечение, ей обрили голову. И теперь она была похожа на тифозную больную, раненную где-нибудь на фронтах войны, сходства добавляли синяки под глазами и синеватые губы – следствие сердечной недостаточности. Телефонном ей пользоваться не разрешали, сказали, что это лишние волнения, которые ей пока противопоказаны, поэтому она не услышала ни одного письма от Макса. И вообще уже очень давно не слышала его голоса. Только то, что передавали ей его родные или Сергей, который периодически забегал её проведать, а также рассказать, как чувствует себя Лана, про которую он узнавал у Виктора. Однажды её навестила бабушка Макса, Софья Андреевна, та самая, кому принадлежала брошка. Это оказалась высокая статная женщина, с аристократической осанкой. Лина поняла, что именно в неё пошли и сын, и внук. Ужасно обидно было представать перед её строгими глазами в таком виде, но изменить она ничего не могла, только дожидаться, когда посетительница насмотрится на неё и уйдёт, а потом лить тихие слёзы в подушку.

Софья Андреевна села на кончик стула с правой стороны кровати, взяла Линину ладонку, в данный момент совершенно невесомую, в свои ладони, неожиданно мягкие и тёплые, сказала грудным красивым голосом, которым бы стихи со сцены декламировать:

– Так вот какова избраница моего внука.

Если бы не тёплые ладони, ласково обнимающие её руку, Лина бы подумала, что она выразила недовольство и разочарование, теперь же терялась в догадках. Чтобы не молчать, произнесла:

– Мне бы хотелось вернуть вам брошку. Семейная реликвия должна храниться в семье. Я благодарна Максиму за то, что он для меня устроил поиски клада, но приключение закончилось...

Софья Андреевна загадочно улыбнулась.

– Поверьте мне, голубушка, я вижу, что вы достойны того, чтобы владеть этой брошкой.

– Да? – Лина так изумилась, что на её бледных щеках выступил едва заметный румянец. – Как это можно сейчас по мне увидеть?

– Вы даже не представляете, каким мужеством и благородным терпением исполнено ваше лицо. Готова поспорить, что вы давно не смотрелись в зеркало.

– Давно, и не хочу, – тихо подтвердила Лина.

– Тогда и возражать вы не можете, – мудро заключила Софья Андреевна.

Обе они помолчали.

– Вы не знаете, есть ли в том подразделении, где работает Макс, женские должности? – вдруг спросила Лина. Вопрос мучил её достаточно давно, но не у кого было уточнить.

– Неожиданный поворот темы, – Софья Андреевна склонила голову набок в размышлении. – Честно говоря, я никогда не спрашивала у него об этом. Вы ведь библиотекарь?

– Да, но я могла бы выучиться другой специальности...

– Голубушка, единственное, что я знаю наверняка, что там строгий медицинский отбор. Даже Максим постоянно из-за него нервничает. А вы совсем не производите впечатление человека, который и при хорошем-то самочувствии мог бы пройти комиссию.

Лина закрыла глаза, из-под её длинных ресниц медленно поползли слезинки. Софья Андреевна достала из сумочки белоснежный носовой платочек с кружевной оборкой и ласково их промокнула.

– Иногда мужчине гораздо важнее знать, что его дома ждут. Кстати, это редкое умение – ждать так, чтобы это доставляло радость ждущему и являлось опорой для того, кого нет рядом. Максим, видимо, разглядел в вас это умение, а потому и ухватился обеими руками, даже женился, на что, признаться, я уж и не рассчитывала.

– Значит, он ошибся, – опять собралась заплакать Лина. – Я совсем не могу радоваться тому, что его нет рядом.

– Вы немного исказили смысл моих слов, но это нестрашно, постепенно вы проникнетесь этой мудростью.

Когда Софья Андреевна ушла, Лина поймала себя на мысли, что жалеет об её уходе, стала воспроизводить в памяти их разговор. «Ждать, чтобы это доставляло радость ждущему...» От этой фразы немножко веяло мазохизмом.

Она пока не могла вставать с постели, чтобы добираться хотя бы до туалета. Сразу началось сильное головокружение. Однако просить судно было выше её сил. Этот момент в пребывании в больнице был самым мучительным. В итоге она старалась как можно меньше пить и как можно меньше есть, что совсем не способствовало выздоровлению. Два раза в день приходили санитарки, делали всё необходимое, не обращая внимания на её стеснение, громко удивлялись малому количеству того, что собиралось в судно, ругали её за отсутствие аппетита, забирали скапливающиеся в тумбочке пакеты с соком и тарелки фруктов... Лине казалось, что время остановилось, что она никогда больше не увидит Макса. Пыталась черпать мужество в примере сестры, ведь той было неизмеримо тяжелее, особенно в ту пору, когда не было надежды... В очередной обход врач снова назначил ей капельницы с физраствором, какие ей ставили, когда она была без сознания.

– Вы решили уморить себя голодом? – спросил он, внимательно вглядываясь в её заострившиеся скулы и уже не синие, а почти чёрные тени под глазами.

Она не ответила. Чувствовала, что её затягивает в себя безразличие, если Макс не вернётся завтра, она умрёт. Сознание уплывало в беззаботное детство, из которого ей навстречу летел голос сестры: «А ты помнишь, как в первом классе мне надоело чертить палочки в прописях и я стала вместо них рисовать человечков? Учительница вlepила мне единицу в дневник, а, как только она отошла, ты подрисовала единице вторую палочку и соединила их, получился зонтик. Мы засмеялись, учительница вернулась к нашей парте и тебе тоже вlepила единицу... А ты помнишь, как в тебя был влюблён мальчик, а ты стеснялась того, что он повсюду за тобой ходит? Однажды он принёс тебе огромный букет жёлтых кувшинок, но ты так смутилась, что отказалась его принять, и он рассыпал цветы по всей дорожке, по которой нам нужно было возвращаться домой...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.